

Война и новый миропорядок

А. Ю. Борисов*

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

С глубокой древности войну называли «творцом всего сущего». Это означало, что послевоенный мир творили победители. В статье раскрывается закулисная, дипломатическая история Великой Отечественной войны, дополняющая картину главных военных событий, завершившихся победным маем 1945 г. в столице поверженного третьего рейха. Решающая роль Советского союза и его вооруженных сил в разгроме гитлеровской Германии и её союзников была той мощной основой, на которой строились стратегия и тактика советской дипломатии в годы войны в ходе переговоров с западными союзниками по антигитлеровской коалиции — США и Великобританией во главе с президентом Рузвельтом и премьер-министром Черчиллем.

Как учит мировая история, большие и малые войны велись на земле испокон веков ради конкретных политических интересов. В этом контексте вторая мировая война была ярким примером не только обуздания государств-агрессоров, освобождения народов от фашистской тирании, но и попыткой организации государствами — победителями нового более совершенного послевоенного миропорядка, призванного гарантировать прочный и длительный мир на основе сотрудничества союзных государств.

Но союзники в войне не стали союзниками в организации послевоенного мира. Их сотрудничество ненадолго пережило конец боевых действий и было омрачено начавшимся поворотом к «холодной войне». Как убедительно показывает автор статьи, это во многом было вызвано желанием США реализовать свои материальные преимущества в ущерб интересам Советского Союза и выстроить такую послевоенную систему, которая являлась односторонним выражением интересов Вашингтона. Американцы, особенно после смерти президента Рузвельта и прихода в Белый дом его преемника Трумэна, понимали международное сотрудничество как утверждение своего мирового лидерства при игнорировании интересов

Советского Союза, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны.

Семидесятилетие победы советского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) вновь и вновь обращает благодарную память потомков к тому героическому противоборству наших дедов и отцов с фашизмом, которое продолжалось без малого четыре года и закончилось полным разгромом гитлеровской Германии и её сателлитов. Это была поистине титаническая борьба Советского Союза при поддержке его союзников по антигитлеровской коалиции — США и Великобритании, потребовавшая сверхнапряжения всех духовных и физических сил народов СССР, колоссальных людских и материальных потерь, воинской доблести и гражданского самопожертвования.

С высоты времени, особенно видно, что вторая мировая война, важнейшей составной частью которой была война Советского Союза с гитлеровской Германией, явилась крупнейшим водоразделом мировой истории. Все попытки принизить или «размыть» решающее значение победы советского народа в этой войне подчинены политической конъюнктуре и исторически несостоятельны. Война и её итоги коренным образом изменили мир и определили мировое развитие на десятилетия вперёд. Именно в ходе её параллельно с решением военных вопросов будущие победители — руководители СССР, США и Великобритании — Сталин, Рузвельт и Черчилль закладывали основы послевоенного мироустройства.

Старая истина: можно выиграть войну и проиграть мир. Это было, пожалуй, главное, что на протяжении всей войны волновало союзников «поневоле» — участников антигитлеровской коалиции, будь то в Вашингтоне, Лондоне или в Москве. Каждый из них имел далеко идущие послевоенные планы, которые стремился упорно отстаивать в соответствии со своими национальными интересами, какие бы при этом публично не высказывались общегуманные соображения о грядущем мироустройстве как,

* Александр Юрьевич Борисов — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник II класса.

например, «четыре свободы», сформулированные Рузвельтом в Атлантической Хартии.

С первого дня войны, даже еще до официального в нее вступления в декабре 1941 г., наибольший интерес к обустройству послевоенного мира на выгодных для себя началах проявляли американцы. С высоты сегодняшнего времени ясно, что это был судьбоносный момент в истории Америки, который определил ее благополучие и доминирование в мире на десятилетия вперед и заложил основы современной миросистемы. Этот момент важно было не упустить. Влиятельный американский журнал «Форин афферз» уже в наши дни отмечал, что «большая часть мира сегодня живет в рамках системы, которая, с одной стороны, основана на мощи США, с другой — узаконена их либеральными идеалами..., которую США помогли основать после окончания Второй мировой войны»¹.

Началом реализации подобных планов можно считать сепаратную англо-американскую встречу на высшем уровне в середине августа 1941 г. в бухте Арджентия на Ньюфаундленде, вошедшую в историю как Атлантическая конференция, к участию в которой не был приглашен Советский Союз. Американцы, пользуясь моментом, торопились правильно «расставить акценты» в отношениях с англичанами и не считали нужным протянуть руку русским до прояснения обстановки на Восточном фронте, а возможно, и чтобы «дать сигнал» японцам в ответственный момент выбора ими, как хорошо знали в Вашингтоне, дальнейшего направления агрессии.

Можно сказать, что именно тогда определились «особые отношения» между Вашингтоном и Лондоном, действующие и по сей день, в которых американская сторона, пользуясь ослаблением «владычицы морей», стала играть роль первой скрипки, а премьер-министр Черчилль смирился с ролью, как он говорил с грустной иронией, «лейтенанта Рузвельта». Как отмечает популярный современный американский автор Ф. Закария, «Вторая мировая война стала последним гвоздем, вбитым в гроб экономической мощи Британии»².

Уже тогда, на борту крейсера «Огаста», где проходили переговоры двух титанов западного мира, между ними обнаружилось принципиальное разногласие в отношении будущего миропорядка, которые обычно возникают между восходящей и нисходящей державами. Если американцы стремились к основательной «ревизии» довоенной международной системы в свою пользу при условии, что фортуна войны будет на их стороне, то англичане выступали как твёрдые охранители статус-кво, что означало, прежде всего, сохранение и защиту ими своей колониальной империи и довоенной политической конфигурации в Европе. Пройдёт не так уже много времени по историческим меркам, сменится век, и в роли охранителя миропорядка наступит черёд выступить Соединённым Штатам перед новыми пре-

тендентами на мировое лидерство. Но тогда до этого было ещё далеко.

Как пишет П. Брендон, автор недавно опубликованной работы по истории английского колониализма, «статус-кво устраивал Черчилля, но он не устраивал человека, на которого тот смотрел как на спасителя Британии — Ф. Д. Рузвельта. Президент был вильсоновским либералом, борцом с колониализмом... Черчилля чуть не хватил удар, когда Рузвельт сказал по поводу Индии: „Я не понимаю, как мы можем вести войну против фашистского рабства и в то же время не стремиться к освобождению людей во всем мире от оков отсталой колониальной политики“»³.

14 августа на конференции была принята историческая Атлантическая хартия, отредактированная лично Рузвельтом, и представляющая собой свод хорошо известных международно-правовых и общепацифистских принципов ведения войны и организации послевоенного мира. В частности, в Хартии, не без намека на экономические интересы её авторов, провозглашалось право как больших, так и малых народов иметь доступ на «равных основаниях» к торговле и мировым источникам сырья в духе взятой американцами на вооружение еще в конце XIX в. доктрины «равных возможностей», «свободы торговли» и «открытых дверей», что было приоритетной целью политики наращивания внешнеэкономической экспансии США, проводимой госсекретарем в администрации Рузвельта К. Хэллом.

Не секрет, что англичане крайне болезненно восприняли усилия США использовать подписанный документ, чтобы потеснить Великобританию в зонах ее традиционного господства, прежде всего в английских колониях с их богатыми рынками и источниками сырья. Именно поэтому Черчилль так настойчиво отстаивал режим «имперских торговых преференций» и, в конечном счете, добился внесения в Хартию оговорку, что ее положения будут осуществляться «с соблюдением существующих обязательств». В работе «Франклин и Уинстон» современный американский автор Джон Мичэм пишет: «Англичане были больше заинтересованы в военных заявлениях и очень нервно реагировали на возможные последствия Хартии для империи и ее системы закрытой торговли, но в тот момент Черчилль решил, что будет разумнее подчиниться желаниям Рузвельта»⁴.

В Москве хорошо понимали, что движет авторами Атлантической хартии. При всех имеющихся между западными союзниками разногласиях, послевоенный мир виделся им англо-американским миром, а СССР, как говорилось с понятным раздражением в одном из закрытых документов НКВД, была уготована роль «бесплатного приложения других держав»⁵. Это не могло не вызывать чувства негодования в Кремле, хотя, если не поддаваться эмоциям, вполне соответствовало сталинскому представлению о «со-

отношении сил» и критическому военному положению Советского Союза в начале войны с Германией.

В то же время демонстративное отстранение СССР от участия в конференции едва ли можно было назвать примером политической мудрости и удачным началом консолидации коллективных сил на отпор агрессорам. Дело выглядело таким образом, что пока одни сражались — другие думали о дележе трофеев еще задолго до победы. В беседе с английским министром иностранных дел А. Иденом в декабре 1941 г. Сталин, в свойственной ему манере, жестко расставил акценты. «Невольно создается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР», — заявил он⁶.

Поэтому советское правительство отказалось от участия в Межсоюзнической конференции в Лондоне, намеченной на 27 августа, хотя и не возражало по существу против положений Хартии. Скорее, речь шла о том, чтобы с самого начала установить правильный тон в отношениях с союзниками и не допускать своей дискриминации, даже когда ситуация на фронте была катастрофической.

По мнению ряда отечественных и зарубежных авторов, США приступили к практическому планированию послевоенного мира вскоре после своего вступления во Вторую мировую войну в декабре 1941 года⁷. Ключевой вопрос при этом заключается в том, как Соединенным Штатам, уклонившись от принятия на свои плечи основного груза войны и переложив его на другие державы, прежде всего СССР, удалось, тем не менее, добиться таких впечатляющих дипломатических результатов и долговременного влияния в мире. Ответ следует искать в выгодном геополитическом положении Америки, её отдалённости от основных центров мирового конфликта, нарастающей военной и экономической мощи, гибкой военной политике и успешном внешнеполитическом маневрировании администрации Рузвельта, обеспечивших американской элите выход на выигрышные позиции в мире.

Архитектором этой политики являлся Белый дом и лично сам Рузвельт, опытный и искушенный политик мирового масштаба, который недаром у тех, кто его хорошо знал, ассоциировался с образами «льва и лисицы». На пронизательного собеседника он, как правило, производил неизгладимое впечатление. Посетивший его еще перед войной министр финансов Германии Я. Шахт, сам «старый лис» в политике, отмечал: «Без сомнения, это был превосходный политический игрок, человек большого ума, обладавший при всей своей откровенности, определенной скрытностью». Рузвельт напоминал ему «нечто от современного менеджера, действующего по импульсу и интуиции»⁸.

В политике Рузвельт всегда придерживался золотого правила «не опережать события». Поэтому американская общественность до поры, до времени

кроме общих фраз из Атлантической хартии о борьбе сил свободы и демократии с силами зла и тирании, не была информирована и оставалась в неведении в отношении глобальных замыслов Вашингтона. В тайне от народов рождалась не только война, но и послевоенный мир, который должен был прийти ей на смену.

Американские политики, родившиеся в конце XIX в., были воспитаны на возведенных к тому времени в ранг государственной доктрины США идеях «предначертания судьбы», американской «исключительности» и «богоизбранности». Идея американской «исключительности» была близка политическому складу ума президента Рузвельта, хотя в отличие от своих многочисленных послевоенных преемников из демократической партии США, вплоть до Б. Обамы, он публично избегал называть вещи своими именами. Интересно, что, как Рузвельт, так и его многочисленные последователи видели в доминировании «богоизбранной» Америки «всеобщее благо», а не голый расчет, и не сомневались, что, в результате этого, мир станет только лучше. Удивительный пример «искреннего лицемерия», свойственный американской политике вплоть до сегодняшнего дня.

Однако идеальный сценарий, на который очень рассчитывали в Вашингтоне по примеру предыдущей мировой войны, не удался. Коварный удар японцев по американскому флоту на Тихом океане спутал все карты Вашингтона и вынудил Рузвельта объявить Японии войну. Но даже в «день позора», как окрестили в США 7 декабря 1941 г., Белый дом продолжал цепляться за соломинку, откладывая объявление войны главному союзнику Японии по «Тройственному пакту» — Германии, пока за американцев это не сделал сам Гитлер, за которым тенью последовал и Муссолини.

Война принимала явно затяжной, долговременный характер, истощая основных участников к выгоде США. Нужна была яркая идея, которая могла сплотить народы на борьбу с фашизмом и стать, после коллективной победы в войне, основанием прочного мира, разумеется, мира победителей. Такой вдохновляющей идеей стала идея Объединенных Наций, пока еще не организации, а достаточно аморфной широкой коалиции всех антифашистских, демократических сил.

1 января 1942 г. 26 государствами была подписана Декларация Объединенных наций, текст которой был предложен англо-американской стороной после консультаций с советским правительством. Опыт размовки с Москвой при подписании Атлантической хартии был явно учтен в Вашингтоне. Отражением действительного положения дел, сложившегося между объединившимися против фашизма государствами, стал порядок подписания Декларации. На первое место среди участников антигитлеровской коалиции были поставлены СССР, США, Великобритания и Китай, а остальные страны были перечислены в порядке английского алфавита.

Китайское правительство Чан Кайши оказалось в привилегированном положении в большой степени благодаря личной протекции президента Рузвельта, который связывал большие надежды на будущее для интересов США в Азии и на Тихом океане с гоминдановским Китаем, при подозрительной реакции со стороны Черчилля и сдержанном отношении Советского правительства. Зато в Декларации, опять-таки под нажимом США, вовсе не была упомянута Франция под надуманным предлогом, что генерал де Голль представлял мол «движение», а не государство.

На самом деле Вашингтон не мог простить «заносчивому» французу его самостоятельность и преданность делу возрождения Франции. Кроме того, личную неприязнь к генералу де Голлю — «руководителю всех французов», Рузвельт подкреплял своей уверенностью, что статус великой державы Францией был потерян навсегда.

Тем временем, пока Советский Союз нес на своих плечах основную тяжесть борьбы с общим врагом, руководители США и Великобритании, срывая раз за разом свои обязательства об открытии второго фронта во Франции и выдавая за него второстепенные действия своих войск на других театрах военных действий, все глубже погружались в обсуждение послевоенных проблем. Тон, как уже повелось, задавали американцы и лично сам президент Рузвельт. Как вспоминал генерал де Голль, «премьер-министр взял за правило не предпринимать ничего важного без согласия Рузвельта... хотя его коробило от тона превосходства, который усвоил по отношению к нему президент»⁹.

По мере приближения конца войны, отношение к ней как к политическому «предприятию» в уме президента еще более укрепилось. В январе 1943 г., генерал Д. Эйзенхауэр, чья полководческая звезда уверенно всходила после высадки англо-американских войск в Северной Африке, вспоминал о своей беседе с Рузвельтом на конференции в Касабланке: «Хотя он признавал серьезность военных проблем, стоящих перед союзниками, большинство его замечаний касалось отдаленного будущего, задач послевоенного времени, включая положение колоний и зависимых территорий»¹⁰.

После Сталинграда, лишившего Гитлера шансов на победу в войне, Рузвельт чувствует все большую необходимость обсудить послевоенные планы с главным союзником — СССР и предпринимает в этих целях сложные дипломатические маневры, чтобы организовать двустороннюю встречу со Сталиным. Но кремлевский вождь всячески уклоняется от этой встречи, давая понять, что без решения вопроса о втором фронте такая встреча не имеет смысла. Точки в большой геополитической игре расставлены точно, и Рузвельту приходится на время смириться и ограничиться обсуждением послевоенных проблем в обществе более покладистых англичан. В марте 1943 г. с этой целью в Вашингтон

с трехнедельным визитом прибыл глава английской дипломатии А. Иден.

В ходе англо-американских переговоров, начавшихся с обсуждения европейских проблем, быстро выяснилось, что Рузвельт не был готов безоговорочно признать интересы СССР. Он продолжал настаивать на непризнании вступления прибалтийских республик в состав СССР без проведения нового плебисцита, ставя под сомнение результаты выборов 1940 г. Когда Иден, вышколенный выпускник Итона, все-таки позволил себе прервать монолог президента словами, что, мол, «Сталин не пойдет на это», то услышал в ответ, что президент это понимает, но исходит из того, что США и Англия могли бы использовать свое возможное согласие в качестве козыря, для того чтобы «заставить Россию пойти на уступки».

Главное место в переговорах заняла судьба Германии, поражение которой в войне Рузвельту уже казалось предрешенным. Он хорошо помнил, какими социальными потрясениями для Германии и всей Европы закончилась предыдущая мировая война, и не хотел повторения подобных событий еще в более широких масштабах, тем более что с востока надвигалась «революционная» советская мощь. Надо было обладать поистине незаурядным талантом политика, чтобы избежать новой революционной бури и нейтрализовать СССР. Задача казалась почти невыполнимой.

Правда, выход всё-таки был. Как считал президент, дело будет обстоять куда проще, если в момент краха Германии «серьезные силы английских и американских войск» будут находиться в Европе. Это был серьезный сигнал Черчиллю, что с его «балканской стратегией» пора было кончать, хотя до практического решения вопроса о втором фронте было еще далеко. Наступал момент, когда военные и политические вопросы сливались в единое целое.

Стороны легко согласились и с необходимостью расчленения Германии на ряд слабых и нежизнеспособных государств, что, по их мнению, в духе полицейской тактики могло бы нейтрализовать силу «революционного взрыва». Как отмечал Иден, «президент определенно выступал за расчленение на этой стадии войны». В телеграмме Черчиллю министр сообщал, что он сам «в целом высказался за идею расчленения, поскольку вы неоднократно высказывались при мне в ее поддержку»¹¹. На тот момент ненависть к нацистам, грубо нарушившим правила «честной конкуренции», перевешивала все другие соображения в умах западных политиков.

Если обсуждение европейских проблем в Вашингтоне прошло сравнительно гладко перед лицом Советского Союза, то в отношении будущих глобальных геополитических перемен на карте мира между западными союзниками такого единства не наблюдалось. Конечно, Иден был не Черчилль, который «с пол оборота» приходил в ярость при попытках покушения на британскую «собственность», министр

соблюдал почтительную дистанцию и больше слушал президента, чем возражал ему, но для Англии перспективы от этого не становились легче. Англичанам ясно давали понять, кто в англосаксонской семье был новым хозяином.

В Белом доме от туманных фантазий переходили к конкретным проектам по переделу мира в свою пользу за счет старых колониальных империй и в этой связи большие надежды на успех связывали с выдвинутой идеей опеки над зависимыми территориями. Накануне приезда Идена в Вашингтон Рузвельт одобрил подготовленный в стенах госдепартамента меморандум о «международном контроле» над зависимыми народами и территориями и вручил его экземпляром главе Форин офис, хотя из общения с Черчиллем хорошо знал о негативном отношении англичан к американской затее.

Особое место в озвученных Рузвельтом послевоенных планах США занимал раздираемый гражданской войной и японской интервенцией Китай. Находившийся уже долгое время в состоянии внутреннего коллапса Китай, явился первым крупным направлением внешней экспансии США с конца XIX в. и провозглашения доктрины «открытых дверей» (доктрина Хэя, 1899 г.). Считая, что наступил подходящий момент, США стремились занять там место других держав-конкурентов, прежде всего императорской Японии.

В одном ультрасовременном исследовании на этот счет говорится: «Обеспечение экономического доступа было долговременным интересом Вашингтона в Азии со времен миссии командующего ВМС Мэтью Пэрри в Японии и политики открытых дверей в Китае. В этих случаях доступ был ценным, поскольку открывал рынки, и в этом была реальная цель»¹².

В этой части Иден сообщал премьер-министру по итогам переговоров в Вашингтоне: «Президент говорил о необходимости объединить Китай с другими державами при решении мировых проблем. Я не проявил энтузиазма, но президент считает Китай по меньшей мере потенциальной мировой державой. Он полагает, что анархия в Китае была бы столь серьезным бедствием, что Чан Кайши надлежит оказать всемерную поддержку»^{12а}.

Вместе с тем, зная о традиционных страхах англичан в отношении «русской экспансии» в Азии и в связи с этим их длительным кооперированием с японцами, пока страна «восходящего солнца» не вышла «из-под контроля», Рузвельт, умеющий играть на всех досках, попытался соблазнить англичан перспективой создания нового «баланса сил» на Дальнем Востоке, взамен разрушенного войной. Китаю предназначалась в нем ключевая роль. Поэтому президент с жаром убеждал Идена, что при любом серьезном столкновении с Россией Китай будет «на нашей стороне». Англичанину эта логика была близка и понятна. Поэтому, вернувшись в Лондон, министр доложил военному кабинету,

что Соединенные Штаты «вероятно, рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке»¹³.

Рузвельт, конечно, не предполагал, каким сокрушительным провалом, когда его уже не будет в живых, закончится для американцев ставка на го-миндановский режим, но его прозорливость в отношении великого будущего Китая последующая история полностью подтвердила. Война разрешала одни противоречия и на их место ставила новые. А сила предвидения политиков, даже самых выдающихся из них, имела свои пределы.

И все-таки, самым любимым детищем американского президента в перечне послевоенных дел стал проект создания мировой организации, с осуществлением которого он связывал грандиозные планы Америки на будущее. Организация, по его первоначальному замыслу, должна была стать центральным звеном новой системы мировой взаимозависимости, олицетворением коллективного управления и чуть ли не мировым правительством под эгидой США в духе поисков согласия, компромиссов и достижения широкого международного консенсуса.

Можно сказать, что в основе послевоенного мега-проекта Рузвельта по переустройству ослабленного войной мира или, как он сам его называл, «великого замысла» (Grand Design), лежал геополитический подход. Прагматик до мозга костей, он весьма скептически относился к любой идеологии, на словах делая исключение лишь для религии, хотя при этом особенно никогда не выставлял напоказ свою религиозность. В отношениях с Москвой это имело как свои плюсы, так и свои минусы. Как-никак, в основе советской внешней политики лежала марксистско-ленинская идеология, учение о неминуемой гибели капитализма и торжестве коммунизма в мировом масштабе, хотя в годы войны эта тема и была сильно приглушена и уступила теме «патриотизма».

Во всяком случае, Рузвельт, еще до своей личной встречи с главой советского правительства несколько самоуверенно считал, что «он, как и Сталин, являются реалистами» и что это мол поможет им найти общий язык, как добросовестно передавал в Москву содержание беседы в Белом доме 11 апреля 1942 г. советник посольства СССР в Вашингтоне А. А. Громыко¹⁴.

Судя по многим косвенным признакам, Рузвельт, несмотря на всю свою уважительную публичную риторику в отношении Советского Союза предназначал ему в послевоенном мире место младшего, «ведомого» партнера США. Он, скорее всего, исходил из того, что Соединенные Штаты по своим разбухшим войной колоссальным экономическим и военным возможностям являлись глобальной державой «двух океанов», в то время как Советский Союз — великой региональной, континентальной или евроазиатской державой, хотя последний термин не был тогда в ходу в мировых столицах. Заметим, что этот

самоуверенный менталитет американского превосходства давал о себе знать еще задолго до появления «атомной дипломатии».

Следовательно, согласно подобной логике и принимая во внимание, что из войны, вопреки некоторым прогнозам, Советский Союз выходил не ослабленным, а отмобилизованным и окрепшим, с ним нужно было договариваться, а не конфликтовать. А для этого важно было принимать во внимание его жизненные интересы и, по возможности, пойти им навстречу. Тем более что они были на порядок скромнее, чем американские и не распространялись на весь мир, а в основном касались Европы и, в меньшей степени, Дальнего Востока. Рузвельт, вероятно, полагал, что послевоенный мир был достаточно велик, чтобы СССР и США смогли в нем ужиться, не сталкиваясь между собой и обходя острые углы. Тем более что в отношении Европы, истощенной двумя мировыми или, как тогда говорили, самоубийственными «гражданскими» войнами», он считал, что наступил ее закат.

Все это подразумевало, в порядке рабочей гипотезы, и большую сферу временно совпадающих интересов США с СССР в зоне имперских интересов старых колониальных держав, серьезно ослабленных войной и отброшенных на обочину мировой политики, не говоря уже о кандидатах в побежденные — державы «оси», за счет которых американцы прежде всего намеревались осуществить новый передел мира впервые в истории под благородными лозунгами его демократизации и освобождения от всякого угнетения и тирании.

Объективно, интересы США и СССР в известной степени и до определенного предела совпадали в отношении «старого колониализма». С момента своего создания Советское государство последовательно выступало против всех форм колониального и расового угнетения и неравенства, рассматривая освободительную борьбу народов колоний как часть всемирного революционного процесса. Если в отношениях с Англией это вызывало острые трения на межгосударственном уровне, то с американцами, наоборот, до поры до времени сближало при всем различии конечных целей двух главных союзников. Не случайно, на встречах Большой тройки Сталин одобрительно воспринимал американские планы «опеки» над зависимыми народами и не прочь был сам принять в этом участие, и открыто упивался тем, как Рузвельт, со свойственным ему остроумием, высмеивал «неисправимого колонизатора» Черчилля.

Как видно из этого анализа послевоенных планов Вашингтона, президент — на словах большой противник раздела мира на «сферы влияния», — на деле был не так уж далек от планов создания некоего фантастического советско-американского кондоминиума, эдакого «G-2», если говорить языком XXI века, за счет интересов побежденных и ослабленных войной стран, где США надеялись играть руководящую

роль при поддержке со стороны Советского Союза.

В Кремле тоже мыслили категориями дальнейшего сотрудничества, хотя вкладывали в него свой смысл. Еще в январе 1943 г. рупор ЦК ВКП(б) журнал «Большевик» опубликовал примечательную статью «Ленин о сущности войны», которая не осталась незамеченной союзниками. В статье в развитие идей военного стратега Клаузевица, которого высоко ценил Сталин, говорилось: «Политика и война — взаимодействующие, но неравнозначные факторы; первенство все время остается за политикой»¹⁵. В Кремле, как бы, предупреждали, что не только Запад, но и Советский Союз вел войну ради конкретных политических целей и интересов, или, говоря словами князя Горчакова, стремился к «улучшенному статус-кво».

Тема послевоенного мироустройства, хотя и не была основной, затрагивалась по инициативе американцев на первой в годы войны встрече руководителей трех союзных держав Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. До последнего момента было не ясно, возьмут ли на себя союзники четкие обязательства в отношении второго фронта и не отступят ли в решающий момент, как это было уже не раз. Позиция Черчилля, пока на него не надавили американцы, была непримиримой и ставила под сомнение успех конференции. Но на карту было поставлено слишком многое, чтобы игнорировать требования русских. О каком послевоенном сотрудничестве могла идти речь, если бы не удалось согласовать военные вопросы. В итоге, мнение американцев одержало верх и, тем самым, открыло дорогу обсуждению на конференции послевоенных вопросов¹⁶.

Чувствовалось, что «вопрос о будущем устройстве мира», как говорил Рузвельт, занимал все его мысли. Ему большей частью и принадлежала инициатива в его постановке. Глава советской делегации, проявляя известную сдержанность на том этапе — война, как-никак, была еще в полном разгаре, — тем не менее не отказывался обсуждать эти вопросы в предварительном порядке.

Вырисовывалась значительная область перспективного советско-американского кооперирования. Именно после Тегерана Рузвельт стал все больше расходиться с консерватором Черчиллем, обеспокоенного, прежде всего, судьбой британской империи и восстановлением довоенного европейского «равновесия». По ряду ключевых политических проблем позиции СССР и США были близки или совпадали. Это касалось вопросов создания международной организации, деколонизации, учреждения механизма опеки или попечительства, разоружения побежденных государств, коллективной безопасности, предотвращения новой агрессии и др.

Обозначились также реальные контуры участия США в послевоенном восстановлении СССР. Американская сторона придавала этому вопросу большое значение в качестве рычага воздействия на СССР.

Примечательно, что свою первую беседу с главой советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив передать Советскому Союзу после войны часть американского торгового флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов»¹⁷.

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР. Американская позиция при обсуждении их в Тегеране оставалась двусмысленной, если не сказать не дружественной Советскому Союзу. Отсюда и попытки Рузвельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение обоснованность советской западной границы, взять под защиту эмигрантские круги, враждебно настроенные к СССР и т.д. Разумеется, энтузиазма с советской стороны эта часть переговоров не вызвала и лишь настроила на необходимость продолжать твердо отстаивать свои интересы по мере успехов Красной Армии на фронте.

Тегеранская конференция, о которой современники говорили как о крупной «встрече умов», во многом расставила акценты в межсоюзнических отношениях, продемонстрировав гибкость и дальновидность Рузвельта, прямолинейность и консерватизм Черчилля и готовность прагматика Сталина идти на уступки и договариваться с союзниками, если это не шло вразрез с коренными советскими интересами, как их понимали тогда в Кремле.

Большая дипломатическая игра, где ставкой были судьбы народов и их право на благополучие и мирную жизнь, вступала в решающую стадию с началом освобождения Европы от фашизма. Для послевоенного сотрудничества союзников по антигитлеровской коалиции центральным становился вопрос о принципах реорганизации освобожденных европейских государств. Особую актуальность этой теме придают участвовавшие попытки отдельных авторов в свете распада СССР поставить на одну доску «нацизм» и «сталинизм» и изобразить действия СССР по избавлению Европы от фашизма как ее новую оккупацию. Чтобы понять насколько антиисторичен этот взгляд, достаточно указать на то крайнее беспокойство, которое воцарилось в антифашистских кругах оккупированной Европы, когда Красная Армия освободила свою территорию и, теоретически говоря, могла на этом и остановиться.

В союзных столицах понимали, что ситуация в освобожденных странах Европы носила кризисный, противоречивый и взрывоопасный характер и могла осложнить межсоюзнические отношения, а поэтому искали пути к сглаживанию противоречий. Какое-то время казалось, что ответ может быть найден в старой как мир, и не раз осужденной как империалистической, концепции «сфер влияния». Рожденным в XIX в. политикам была близка классическая «realpolitik», хотя, отдавая дань времени,

им приходилось оперировать лозунгами демократии и свободы выбора.

Общий настрой союзников на послевоенное сотрудничество продемонстрировала Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав, состоявшаяся 4–11 февраля 1945 г., — первая в мировой истории конференция на высшем уровне, занимавшаяся глобальными проблемами мироустройства. Речь шла в первую очередь о решении ее участниками германской проблемы, включая репарационный вопрос, оказании содействия освобожденным европейским народам в организации их послевоенной жизни, создании международной организации безопасности, координации усилий союзников в войне против Японии.

В Москве стремились сохранить на будущее сотрудничество с западными союзниками и вместе с тем добиться удовлетворения коренных интересов своей территориальной и политической безопасности, включая окончательное признание новых советских границ как в Европе, так и на Дальнем Востоке и создания пояса дружественных соседних государств, и хотя бы частичного возмещения понесенного ущерба от германской агрессии. Это была трудно выполнимая дипломатическая задача, равнозначная, как стало принято говорить в дипломатических кругах в XXI в., искусству «делать шпагат», и потребовавшая большой гибкости на конференции от советской делегации.

Надо сказать, что в то время западные союзники не считали требования Сталина чрезмерными, хотя и не прочь были использовать отдельные вопросы в качестве «рычагов» дипломатического давления на Советский Союз. Американский историк Л. Роуз отмечал, что, узнав об «азиатских требованиях Сталина», Рузвельт «был поражен их скромностью, так как они касались лишь восстановления территориальных прав, отобранных у России Японией по результатам войны 1904–1905 гг.»¹⁸.

Примером такого «давления» стал репарационный вопрос. В Москве, видимо, не уловили момент, когда западные союзники от чувства мести к Германии и желания наказать ее за нарушение «кодекса поведения» перешли к более рациональной и классово — ориентированной политике.

Это была долговременная стратегия, которая увязывалась с ближайшими американскими планами. Дело в том, что Рузвельт, блестящий игрок в покер, настойчиво искал уязвимые места Советского Союза, чтобы сделать его более покладистым и восприимчивым к послевоенным американским планам. Примечательно, что на самой конференции американская делегация не стала затрагивать вопрос о долгосрочном кредите на 6 млрд долл., поставленный советским правительством накануне Ялтинской конференции перед послом А. Гарриманом, видимо, ожидая повторных просьб с советской стороны. Но в роли униженного просителя Советский Союз не

выступал даже в самый отчаянный период Великой Отечественной войны, когда западная помощь ему была крайне необходима.

Чтобы не создавать впечатление дипломатического фиаско по вопросу репараций на конференции, вопрос решили красиво отложить и передать на рассмотрение в специально созданную репарационную комиссию. Рузвельт, хотя и мог, не стал выкручивать руки Черчиллю, который повел себя крайне вызывающе и непримиримо в репарационной проблеме, явно стараясь «уязвить» Сталина. Англичане отказались зафиксировать точную цифру репараций. Для Черчилля нацизм был всего лишь случайным зигзагом истории, который уходил в прошлое, а Германия оставалась и, на новом витке истории, подтверждала старую истину, что у Англии не было вечных врагов.

* * *

Уже много лет историков занимает вопрос, что стало бы с послевоенными американскими планами, если бы президент Рузвельт не ушел из жизни 12 апреля 1945 г. в самый ответственный момент Второй мировой войны, когда победителям предстояло подвести ее окончательные итоги. Сохранил бы он верность своему «великому замыслу», в котором Советскому Союзу отводилась столь важная роль, или он не устоял бы под натиском событий и, также как его преемник, связал свое имя с наступлением «холодной войны» и распадом «великой коалиции»? В недавно увидевшей свет в США монографии ее автор Ф. Кастильола утверждает: «Если бы Рузвельт прожил немного дольше... он, вероятно, преуспел бы в осуществлении перехода к послевоенному миру под управлением Большой тройки»¹⁹.

Вопрос, разумеется, риторический, так как история не знает сослагательного наклонения. Смерть президента удивительно пришлась на тот исторический момент, когда американская элита все заметнее тяготилась его политикой и считала, что Соединенные Штаты заслуживают куда большего и могут не церемониться с остальным миром. Это достаточно определенно указывает на то, что за кулисами власти в Вашингтоне, выдвигая Гарри Трумэна, сенатора от штата Миссури — человека «с кругозором командира роты», по словам одного американского автора, на второй пост в государстве на выборах 1944 г., на всякий случай страховались от неожиданностей, случись что с президентом в критический момент. Преемственность в американской столице понимали, прежде всего, как верность коренным послевоенным целям США, но не методам их достижения.

Смена курса в Вашингтоне с приходом нового человека в Белый дом, во многом по эрудиции, стилю и взгляду на мир, отличного от своего предшественника, происходила постепенно и растянулась на многие месяцы. На этом пути были свои спады и подъемы, временные отливы и приливы, потепле-

ния и похолодания, пока в американской политике полностью не возобладал дух «холодной войны».

Оценивая происходившие весной и летом 1945 г. судьбоносные для мира события, многие историки в нашей стране и за рубежом считают, что отношения между СССР, с одной стороны, и США и Великобританией, с другой, «споткнулись» из-за ситуации в странах Восточной Европы, обострившейся по мере формирования там новой системы власти. Де, Сталин не ограничился установлением в этих странах «дружественных» правительств, а повернул руль в сторону их насильственной «советизации» и насаждения в них коммунистических порядков, используя присутствие там советских войск. В современном западном дискурсе после распада СССР тема об «оккупации» стран Восточной Европы вытеснила тему их освобождения²⁰.

Эта тема, до поры до времени резервная, стала муссироваться с весны 1945 г. в закрытых американских документах сразу же после прихода в Белый дом нового президента. Тон задавал посол США в Москве Гарриман — один из богатейших людей Америки и обладатель крупной собственности в Восточной Европе, прежде всего в Польше, экономическим интересам которого реально угрожали наметившиеся перемены. Его, все еще по инерции, в Москве почему-то продолжали считать «человеком Рузвельта» и баловали дорогими подарками.

Открыто претензии к Москве по поводу поддержки «коммунистического меньшинства» были заявлены на Потсдамской конференции летом 1945 г., когда закипели страсти вокруг выборов в освобожденных государствах²¹. Тем самым был подан сигнал, что с политикой Рузвельта было покончено и западные партнеры не собирались мириться с установлением в Европе советской сферы влияния. С советской стороны это расценили как попытку вчерашних союзников лишить главного победителя законных плодов победы и вернуть ситуацию в Европе к довоенному состоянию.

Между тем, что бы не писали сегодня некоторые авторы, некритически реанимируя и «обогащая» оценки начала «холодной войны», ситуация не выглядела столь однозначной. Имеется масса свидетельств, что после окончания военных действий в Европе американцы и англичане, не ограничиваясь изоляцией и разгромом левых сил в своих зонах оккупации и установлением там угодных им порядков, начали решительно вмешиваться во внутренние процессы в странах Восточной Европы, освобожденных советскими войсками, на стороне своих ставленников²².

В итоге ситуация обострялась и становилась далека от той «свободы выбора», о которой шла речь в подписанной в Ялте «Декларации об освобожденной Европе», вынуждая Советский Союз форсировать события и помогая, в свою очередь, прийти к власти лояльным Москве политическим деятелям, причем на начальном этапе, далеко не всегда из чис-

ла прошедших «школу Коминтерна». Как известно, в политике «действие — противодействие» — абсолютный закон.

Дело было не только в освобожденной Европе. Коренной ревизии была подвергнута вся концепция «великого замысла» покойного президента, как слишком умеренная и примирительная и не отвечающая новому духу времени и непомерным амбициям США. Хотя на Дальнем Востоке война еще не закончилась и американские военные оправданно боялись, что США ждут там затяжные и кровавые бои, в ходе которых помощь СССР была необходима, по большому счету было уже ясно, что Советский Союз, ценой жизни миллионов своих солдат, разгромил главного врага и свою миссию выполнил. Именно об этом, с чувством глубокой горечи и обиды, говорил в Кремле Сталин в беседе с Гопкинсом в конце мая 1945 г., все еще цепляясь за призраки прошлого и не в силах до конца поверить, что начинался новый отсчет времени.

По-разному можно интерпретировать конец войны и наступление долгожданного мира. Для одних это была «весна победы», для других закат «великой коалиции», для третьих начало «американского века». Становилось ясно, что ставка Рузвельта на изменение мировых противоречий в результате победы над фашизмом оказалась слишком смелой, преждевременной и оторванной от жизни. Мир на десятилетия вперед возвращался к довоенному межсистемному противостоянию с поправкой на вызванный войной новый «расклад сил» между основными игроками, что позднее академично назовут биполярной системой.

Америка чувствовала себя уверенной в своих силах и способной самостоятельно осуществить свое глобальное лидерство. В ее внешней политике, наряду с геополитическими «драйверами», возродились идеологические и классовые мотивы. Иначе расставлялись стратегические акценты и приоритеты. По сравнению с «временем Рузвельта» в Вашингтоне заметно возрос интерес к будущему Европы по мере осознания важности ее послевоенной консолидации на антикоммунистической основе перед лицом Советского Союза. США не собирались отказываться от доминирования в Старом Свете во имя туманных глобальных интересов.

Под влиянием наступившего после войны «революционного хаоса» усиливалась тревога за судьбы капиталистической системы в целом, что логически вело к смягчению американской политики в отношении старых колониальных держав, в первую очередь родственной Великобритании, а в не столь уж отдаленной перспективе и к побежденным вчерашним врагам. Слова, сказанные в узком кругу Сталиным

о том, что после смерти Рузвельта Черчилль быстро столкнется с Трумэнном, приобретали зловещий смысл. «Дружить» англосаксы собирались против вчерашнего союзника.

До поры, до времени размах новых американских амбиций сдерживала советская военная мощь, стоявшая в центре Европы, и важность ее привлечения к предстоящей схватке с японцами. Именно поэтому в период между концом войны в Европе и завершением Второй мировой войны в целом так «лихорадило» политику Вашингтона, словно в ней шла невидимая борьба между желаемым и действительным. Безуспешные попытки нового президента надавить на СССР и «поставить его на место» сменялись примирительными жестами и шагами ему навстречу, как продемонстрировала Потсдамская конференция. Стратегическая ситуация кардинально изменилась, когда на американской стороне появился принципиально новый фактор силовой политики — ядерное оружие. Это был бесспорный большой успех Соединенных Штатов в начинающейся конфронтации с СССР. Правда, как оказалось, успех временный.

Сталин оказался перед трудным выбором, к которому, при всем обилии имеющейся информации, он был не готов, и к которому приходилось приспосабливаться «на ходу». Ситуация в чем-то напоминала его стратегический просчет с началом войны. Политика Рузвельта, на которую делали ставку в Кремле и с которой уже свыклись как с «константой», лежала в руинах. Возникла новая внешнеполитическая реальность, угрожавшая советским планам послевоенного восстановления и интересам его безопасности. При таком стратегическом повороте, было уже не до американских кредитов, которые, даже случись они, все равно были бы «каплей в море». Обозначилась мрачная перспектива нового противостояния с Западом, необходимость наращивания военных расходов, создания «атомного щита» и вновь «затягивания поясов» для измученного войной населения после всех тягот Послевоенное сотрудничество с Вашингтоном, вероятно, можно было «купить» ценой принципиальных уступок, затрагивающих итоги войны и, скорее всего, сам характер советского строя. Причем, легко было ожидать, что требования Вашингтона будут по экспоненте нарастать по мере уступчивости партнера. Такой «выбор», близкий к капитуляции после выигранной войны, теоретически существовал. Но могло ли его принимать всерьез государство-победитель? Поэтому оставалось лишь вновь собираться с силами и после кровопролитной войны обрекать народ на новые жертвы и испытания. Так зарождался послевоенный мир. Так начиналась «холодная война». Трагический круг истории замкнулся.

¹ Farrell H., Finnemore M. The End of Hypocrisy. — Foreign Affairs, November–December 2013, p. 96.

² Закария Ф. Постамериканский мир. М., 2009, с. 194.

³ Brendon Piers. The Decline and Fall of the British Empire. 1781–1997. London, 2007, p. 392.

⁴ Meacham Jon. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. New York, 2003, p. 120.

- ⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945, т. 1, с. 104.
- ⁶ Там же, с. 189.
- ⁷ *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006, с. 207.
- ⁸ *Шахт Я.* Главный финансист третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2011, с. 304, 306.
- ⁹ *Голль Ш. де.* Военные мемуары. Призыв. 1940–1942. М., 2003, с. 225–229.
- ¹⁰ *Eisenhower D.* Crusade in Europe, p. 136.
- ¹¹ *Carlton D.* Anthony Eden. A Biography. London, 1981, p. 191–192.
- ¹² Christopher Fettweis. Threatlessness and US Grand Strategy. "ISSIS", September, 17, 2014.
- ^{12a} Edén to Churchill, 29 Mar. 1943 Avon Papers, Foreign Office 954/22, PRO; The Earl of Avon, The Eden Memoirs: The Reckoning, London, 1965, p. 373.
- ¹³ *Carlton D.* Anthony Eden, p. 195–197.
- ¹⁴ Международная жизнь, 1970, № 5, с. 37; см. также: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. В 2-х т. М., 1984, т. 1, 1941–1943, с. 159–159.
- ¹⁵ Большевик, 1943, № 1, с. 47.
- ¹⁶ *Bohlen Ch.* Witness to History. 1929–1969. N.Y., 1973. p. 148; Lord Moran. Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966, p. 140–141.
- ¹⁷ Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. М., 1978, с. 133, 173, 190.